
МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ КНР

А.В. Сидорова

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Настоящая статья анализирует систему высшего образования КНР на современном этапе реформирования (1999—2010) с целью показать, каковы возможности образовательной сферы в укреплении стабильности существующего политического режима. Автор выделяет в государственной стратегии силы принуждения и включения, направленные на студентов, делает выводы относительно их баланса и воздействия на социально-политическую среду образованной молодежи.

Ключевые слова: Китай, реформа высшего образования, студенты, политическая стабильность.

Реформа высшего образования началась в КНР с приходом нового руководства во главе с Дэн Сяопином и продолжается до настоящего времени.

За это время произошло два знаковых события, чрезвычайно важных для ответа на вопрос: каков вклад системы высшего образования в поддержание стабильности существующего политического режима?

Во-первых, это вооруженный разгон студенческой демонстрации, окончившегося трагедией на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. С тех пор реформа не только не пошла на убыль, но интенсифицировалась и в большей степени стала привязанной к экономике страны, поставляя на рынок труда квалифицированные кадры для успешной модернизации. В то же время масштабные студенческие протесты уже никогда более не достигали уровня 1989 г.

Вторым знаковым событием стал 1999 г., когда Китай достиг уровня массового высшего образования. Именно с этого года начинается отсчет современный этап реформы высшего образования.

Большее количество молодежи (потенциальный «новый средний класс» [12. Р. 159]) оказалось включено в структуру высшего образования, созданную современным руководством; одновременно политические аспекты реформы оказались тесно переплетенными с проблемой стабильности существующего режима. Так, нередко можно услышать критические замечания в адрес правительства по вопросам безработицы выпускников, образовательного неравенства или даже коррупции в секторе образования.

В данной статье мы рассмотрим, как современная система высшего образования способствуют укреплению стабильности режима в Китае, управляясь с наиболее беспокойной группой населения — студентами. Китайский опыт особенно интересен, так как вузы в этой стране призваны стать движущей силой модернизации, являясь одновременно «пленниками государства» [11. Р. 171].

Стабильный социально-политический климат в студенческой среде зависит от баланса двух сил, практикуемых правительством через систему высшего образования: сдерживания молодежи от действий оппозиционного характера и включения в существующую общественную структуру, созданную существующим политическим режимом. На современном этапе реформы наблюдается особенное разнообразие государственных мер как сдерживания, так и включения, при общей тенденции преобладания последних. Рассмотрим их поочередно.

Массовое высшее образование, к которому пришел Китай к концу 1990-х гг., принесло не только возможность создания значительных резервов высококвалифицированных людских ресурсов, но и обострило некоторые проблемы, которые ранее не проявлялись со всей очевидностью. Речь идет в основном о вопросах безработицы выпускников (1) и неравенства в возможностях получения образования, которые потенциально могут дестабилизировать общество. Именно поэтому, модифицированные и разносторонние, меры сдерживания студентов продолжают применяться китайским правительством для обеспечения социального порядка под руководством КПК.

Интересно, что Китай потратил 75 миллиардов долларов США на внутреннюю безопасность в 2009 г. (2). Невозможно оценить, какая часть этой суммы пошла на обеспечение контроля над студентами. Тем не менее, можно наблюдать современные правительственные меры по обеспечению прямого контроля над студентами.

Правительство под руководством Цзян Цзэминя, занимавшего в конце 1990-х гг. пост генерального секретаря, было вполне уверено, что может справиться с любым студенческим протестом; поэтому политическая дискуссия в обществе конца 1990-х гг. стала более расслабленной [5. Р. 120].

Власти перестали нуждаться в военной помощи, чтобы обеспечить порядок в студенческой среде, так как на современном этапе вокруг университетов (особенно ключевых, как, например, Пекинский) расположились полицейские участки. Также продолжается использование стратегии индивидуального подавления. Под ее действие попадает лишь определенная группа инакомыслящих. Она включает тех, кто выдвигают идею создания оппозиции или многопартийной системы (например, распространение «Хартии 08»), интеллектуалов, которые потенциально могут сформировать коалицию с рабочими, и онлайн-активистов, обсуждающих запрещенные темы (такие как события на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., деятельность секты Фалунь Гун и независимость Тибета). Последние представляют собой довольно новый вызов существующему режиму.

Онлайн-активизм в Китае берет начало в 1989 г., когда во время демонстраций студенты и преподаватели пользовались услугами веб-коммуникаций. Однако до 1994 г. Интернет в Китае не был распространен повсеместно; только после 1996 г. можно говорить о его доступности среднестатистическим городским жителям.

Массовое использование интернет-технологий студентами началось с конца 1990-х гг. и мгновенно стало популярным, так как позволяло создание публичного пространства, в котором практиковалось больше свободы слова и выражения.

Правительству трудно контролировать веб-сайты ежеминутно; с точки зрения удобства публикаций, автору не требуется представлять работу на рассмотрение официальным органам цензуры, а участие не требует большого начального капитала.

Однако правительство сумело быстро усовершенствовать свои стратегии контроля за этой новой областью. Известная как «Великий Китайский Файервол» (3) и основанная на распознавании слов, система онлайн-цензуры способна автоматически блокировать вебсайты и результаты поисковых служб в случае, если искомое слово или выражение классифицируется как антиправительственное или подрывное.

Система также включает персонал, который вручную контролирует содержание сайтов, удаляя неуместные комментарии и сообщения (4). Ограниченность масштабов политической дискуссии в китайском Интернете хорошо наблюдаема на примерах сайтов, вынужденных прекратить свое существование (5).

Время от времени меры устрашения, действующие в сфере контроля за киберпространством, заканчиваются физическими арестами онлайн-активистов. Несмотря на то что информация по данной теме довольно скупа, тем не менее, даже из имеющихся данных становится очевидным, что доля студентов, вовлеченных в онлайн-активизм, велика. Например, из 54 случаев арестов с 1999 по 2004 гг. [15. Р. 70—79] было 12 студентов (6) и 6 интеллектуалов (преподаватели или университетский персонал), в то время как большинство арестованных имели высшее образование.

Самоцензура (или внутренняя цензура), применяемая модераторами и администраторами электронных досок объявлений (Би-Би-Эс) и веб-сайтов, косвенно демонстрирует силу мер устрашения в Китае. Еще более интригующим является то, что в стране не существует четкого руководства для самоограничения. В то время как наиболее политически подрывные темы, например, Тяньаньмэнь 1989 г., «...существуют только в партизанских формах» [14. Р. 131], большое количество критики может быть успешно опубликовано онлайн, при учете текущей обстановки в стране.

Фракционные течения во внутренней политике и покровительство влиятельных бюрократов расширяют возможности автора затронуть «чувствительные» темы в публикациях. В случае если тема, обсуждаемая в Интернете, частично перекликается с государственной повесткой (например, сокращение социального неравенства, решение проблемы безработицы выпускников, борьба с коррупцией и пр.), шансы продолжения и развития онлайн дискуссии многократно увеличиваются. Правительство позволяет выражение мнений в Интернете на форумах, порталах и в блогах, так как онлайн-дискуссия характеризуется спонтанным, эпизодическим характером, и обстановка после нее быстро разряжается. Однако если количество сообщений не показывает тенденцию к уменьшению, веб-сайт может быть закрыт или подвергнут тщательной цензуре самими администраторами.

Таким образом, степень политического контроля над студентами варьируется: временами ужесточается, иногда смягчается. При этом символы государст-

венного контроля (7) остаются видимыми в жизни страны, напоминая студентам о необходимости самоограничения в политическом участии.

В то же время использование исключительно методов принуждения таит опасность нового социального взрыва, подобного трагедии на площади Тяньаньмэнь. Именно поэтому китайское правительство значительно активизировало механизмы включения студентов в существующий государственный порядок с целью поддержания стабильности режима.

Массовое высшее образование в Китае — это возможность включить больше молодежи в рамки существующего режима с помощью образовательной системы. Такое молодое и экономически активное население в своем успехе будет опираться на существующие политические реалии. В то же время на современном этапе процесс включения студентов и выпускников в структуру государства значительно диверсифицировался, разделяя молодежь по статусу образования, географическому положению и возможностям социальных связей их семей. «Новый элитизм», построенный в иерархии образовательной структуры, препятствует консолидации обширных студенческих масс, снимая, таким образом, возможность их объединения с целью бросить «вызов» правительству.

Построение иерархии в образовательной системе шло по двум направлениям: классификация вузов и модулей учебных программ.

Что касается первой, то в рамках Проекта 211 из всех учебных заведений к 1998 г. было отобрано около сотни, из которых предполагалось создать передовые университеты страны. Далее, в том же 1998 г. Цзян Цзэминь в речи на столетие основания Пекинского университета предложил создание ограниченного числа китайских университетов — мировых лидеров (Проект 985).

С 1999 по 2003 г. была отобрана группа из 33 университетов, спонсируемых совместно Министерством образования и провинциальными властями. Университеты Пекинский и Цинхуа, два наиболее известных в Китае (не только своими исследовательскими разработками, но и студенческим политическим активизмом), были выбраны для основного финансирования (8). Одновременно по стране было проведено слияние вузов (из более чем 900 институтов и 597 университетов к 2008 г. было сформировано 246 широкопрофильных университета [8; 18]), введение трехуровневой оценки университетов и укрепление полномочий провинциальных властей в управлении вузами (количество регулярных вузов, подчиненное центральному министерству, сократилось с 318 в 1990 г. до 38 в 2006 г. [6. Р. 47]). Все эти изменения способствовали децентрализации высшего образования, построению тесных связей между университетами и местными экономиками. Учитывая неоднородность экономического развития китайских регионов, неудивительно обнаружить множественные различия среди университетов страны.

В процессе непосредственного финансирования отобранных университетов выявились различия в качестве (и статусе) вузов Проекта 211, 985 и остальных учебных заведений страны.

Менее престижные университеты были вынуждены озаботиться вопросом, где найти средства на существование. Увеличение набора студентов-контрактников стало выходом из трудного финансового положения.

Однако условия обычных вузов и соотношение «преподаватель—студент» в них с трудом могли выдержать увеличение приема новых студентов без понижения качества образования. Из 2263 вузов в 2008 г. [19] только около сотни были предметом особого внимания центрального правительства относительно качества.

Иерархия вузов напрямую влияла на представления работодателей о качестве выпускников. Эти представления дополнились еще одним критерием: классификацией учебных программ. Бакалаврские учебные курсы *бэнькэ*, четырехгодичные с расширенным теоретическим компонентом в обучении, соседствовали с краткосрочными курсами *чжуанькэ*, ориентированными на практический компонент.

Принципиальным было то, что до 2004 г. краткосрочные курсы пользовались хаотичной подборкой укороченного Перечня дисциплин 1993 г., составленного для бакалаврских программ. Соответственно, в глазах как работодателей, так и населения *чжуанькэ* заняли свое место ниже бакалаврских курсов в иерархии. В то же время в увеличившемся резерве всех выпускников страны (5 119 498 человек на 2008 г.) более половины (2 862 715 человек в 2008 г.) [20] были выпускниками именно краткосрочных программ.

Иерархия университетов и учебных программ совместно с увеличившимся количеством выпускников заставили работодателей применять отборочные механизмы для кандидатов на должность.

Для студентов это означало, что наличие высшего образования само по себе не гарантирует успешную карьеру, хотя оно и необходимо. Стало важным, какой университет и какой вид учебного курса закончил выпускник.

На пути достижения желаемой работы перед выпускником более не стояла государственная система, так как практика распределения рабочих мест *фэньлэй* сменилась контрактным наймом. Рыночные механизмы, регулирующие рынок занятости, и конкуренция со сверстниками заняли ее место.

Чтобы увеличить шансы на получение хорошей работы, выпускник может либо повысить образовательную квалификацию, либо понизить свои запросы и начать работать на менее престижной работе, накапливая опыт в своем резюме. Другими способами добиться хорошей занятости стало вступление в партийные ряды во время обучения в университете. Действительно, как показывают цифры, наблюдается увеличение как студентов, поступающих на постбакалаврские программы, так и молодых членов КПК (9).

На современном этапе студенты разделены между собой. Их финансовое положение, модели потребления и потребности значительно варьируются. Не существует более единой среды для всего студенчества.

Как и в 1989 г., в наше время можно найти маленькие комнаты с бетонными полами, в которых проживают по восемь человек. Параллельно существуют новые кампусы с размещением современного квартиррного типа. Переполненные столовые не перестали быть реальностью китайских кампусов, но, в то же время, множество более дорогих и удобных кафе и ресторанов открылось вокруг университетов. Приглашенные заслуженные иностранные профессора преподают студентам первых вузов страны, тогда как институты в бедных регионах испытывают трудности привлечения преподавателей. Статистика трудоустройства вы-

пускников университетов, принадлежащих к Проектам 211 и 985, показывает лучшие результаты, чем таковая у обычных вузов [22].

Географическая мобильность студентов предоставила еще больше возможностей разделения. Когда студенты или выпускники приезжают из бедных регионов в развитые приморские провинции и большие города в надежде на лучшую долю, они по-прежнему сталкиваются с ограничениями, диктуемыми системой прописки *хукоу*. Не только условия их проживания отличаются от таковых у местного населения (отсутствие медицинской и социальной помощи), но и шансы на поступление в вуз (в университетах для приезжих студентов существуют различные проходные баллы).

Интеллектуалы так же, как и студенты оказались разделены между собой.

Социальное положение и разная социальная среда обеспечивает отсутствие общего взгляда на действительность у интеллектуалов. Оценка качества преподавания, применяемая к университетскому составу, во многом отделила их друг от друга [10. Р. 203, 223—224].

Подготовка к успешному прохождению оценки занимает время профессорско-преподавательского состава: надо опубликовать книги и статьи, подать заявки на гранты и обеспечить себе место в исследовательском проекте.

Больше нет нужды бороться за автономию вуза — она была дана сверху правительством, которое предоставило сотрудникам университетов возможность заниматься подработками.

Относительная экономическая независимость от существующего режима, а также память кровавых событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. обусловила то, что интеллектуалы не вдохновляют более студентов на смену режима. Они могут реализоваться в собственной профессиональной карьере, что становится более ценным, чем погоня за исполнением идеологического долга.

Это не означает, что интеллектуалы, работающие в Китае, забыли вооруженный разгон демонстрации на Тяньаньмэнь 1989 г. Так, опрос (10) проведенный автором статьи среди китайских студентов в 2010—2011 гг., показал, что они вполне осведомлены о трагедии 1989 г. Не последнюю роль в их осведомлении сыграли рассказы университетских преподавателей.

В то же время они отмечали, что это только вопрос времени, когда правительство возьмет на себя ответственность за Тяньаньмэнь и снимет запрет на обсуждение этой темы. В подтверждение своих предположений они приводили пример, как уже успела трансформироваться оценка событий Тяньаньмэни: из негативно окрашенного *бэйтань* («предательство») до нейтрального *шицзянь* «инцидент».

Также «сверху» были решены другие вопросы, беспокоившие студентов и преподавателей (обретение автономии вузов, введение контрактного найма, утверждение массового высшего образования, относительная экономическая независимость и пр.)

В отсутствие стандартного пути к успеху студенты вовлеклись в соревнование между собой за лучшие условия материальной жизни.

Степень независимости, данная государством, предполагает возможность взойти вверх по социальной лестнице. «Горизонтальные взаимодействия» (функциони-

рование в структуре существующего политического режима с целью улучшить собственное экономическое положение) обещают больше, чем «вертикальное соревнование» (вызов существующему режиму с целью добиться лучших условий жизни). Диверсификация студентов и выпускников стала главной характеристикой изменений в современной системе высшего образования.

Парадоксально, но одним из объединительных признаков современных студентов, живущих в разобщенной обстановке с ориентацией на индивидуальную успешность, является их надежда на поддержку существующего режима, который отвечает новым вызовам, встающим на пути реформы высшего образования.

Было интересно обнаружить, что большинство опрошенных студентов согласились с идеей о том, что множество людей в современном Китае нуждаются в государственной поддержке, чтобы получить доступ к образованию и прокормиться.

В то же время они признали, что общие условия жизни в стране улучшились; система высшего образования, в частности, изменилась в лучшую сторону по сравнению с 1980-ми.

Среди достижений китайские студенты отмечали большую открытость и гибкость системы, более удобные кампусы, увеличение количества студентов. Очевидно, система высшего образования сумела создать многообразную структуру, включающую большое количество студентов.

Ни преподаватели, ни студенты не представляются жертвами в современной образовательной (или даже шире, общественной) системе. Что касается первых, то в конце 1990-х — начале 2000-х гг. зарплаты профессоров существенно повысились. Правительство субсидировало их годовой доход по девяти категориям (3000; 5000; 8000; 12 000; 17 000; 23 000; 30 000; 40 000; и 50 000 юаней). Для многих профессоров это стало 20-процентным повышением зарплаты [7. Р. 238]. Неудивительно, что после «мэра» и «государственного министра» именно должности «профессора» отдали свое предпочтение участники опроса, проведенного CASS среди 1599 жителей 63 городов Китая возраста 16 лет и старше (цит. по [12. Р. 170]).

Имидж современного студента также плохо соотносится с образом жертвы политического режима. В условиях политики планирования деторождения в Китае поколение, выросшее после 1980 г., наслаждалось повышенным вниманием и опекой со стороны родителей (так называемый «синдром маленького императора» [3]). К моменту, когда такие «императоры» поступают в университеты, их расходы составляют до половины семейного бюджета. Для тех, чьи семьи не могут позволить себе обучение детей, формально в Китае на современном этапе образовательной реформы создана система стипендий, грантов и ссуд, призванная смягчить неравенство в доступе к образовательным услугам.

Наконец, система высшего образования в современный период может быть охарактеризована как мобильная и активная структура: например, в настоящее время она пытается обогатить рыночные правила в высшем образовании широким гуманистическим содержанием путем выборочного продвижения конфуцианских идей и дискуссии об «азиатских ценностях».

Мобильность существующего режима подтверждается его действиями по формированию нового публичного пространства образованной молодежи. Учитывая растущую популярность киберпространства, китайское правительство в рамках системы высшего образования на современном этапе развития запустило проекты CERNET (китайская образовательная и научно-исследовательская сеть, предоставляющая информацию по основным научным дисциплинам) и CALIS (системы обеспечения документами по высшему образованию Китая), а также активно развивает внутренние ресурсные системы учебных заведений.

«С созданием системы CERNET у многих пользователей отпала необходимость посещать международные веб-страницы, чтобы получить необходимую информацию...» [16. С. 208]. Таким образом, онлайн-проекты представляют собой один из методов контроля информации и дают независимую национальную основу для дальнейшего информационного развития страны.

Все вышеописанное не означает, что студенты перестали быть озабоченными проблемами социальной несправедливости, расширяющейся пропасти между бедными и богатыми, nepoтизма, собственных возможностей лучшей жизни в Китае и особенно коррупции. Однако будучи тесно включенными в систему высшего образования в качестве набора разобщенных индивидуумов и социальных групп, они находят, что приспособиться к существующему режиму будет более целесообразным, чем бросить ему радикальный вызов, особенно учитывая силу, демонстрируемую правительством посредством устрашения как в реальном, так и виртуальном мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Данные Министерства трудовых ресурсов и общественной безопасности за 2008 г. говорят о 1,5 миллионах безработных выпускников, что на полмиллиона больше по сравнению с 2007 г. [9].
- (2) Почти столько же составил китайский оборонный бюджет за 2009 (80 миллиардов долларов США) [1].
- (3) Понятие «防火长城» (Great Chinese Firewall, или дословно Великая Китайская Противопожарная Стена) строится на игре слов в сопоставлении с всемирно известным архитектурным памятником — Великой китайской стеной.
- (4) Эта информация была получена их неофициальных бесед с китайскими студентами по специальности «Журналистика», повышающими квалификацию в Сиднейском университете в 2010—2011 гг. Косвенно эти сведения подтверждаются существующей дискуссией о существовании «Армии пятидесяти центов» — пользователей киберпространства, получающих небольшую плату за публикацию коротких сообщений проправительственного характера [4].
- (5) Например, случай сайта Yunnan.cn, связанного с Пекинским университетом и закрытого после публикации своевременных отчетов по беспорядкам в деревне Тайши в 2005 г. [14].
- (6) Наибольшую известность приобрел случай с 22-летней студенткой Лю Ди, арестованной в 2002 г. и находившейся под стражей в течение года без проведения судебного процесса.
- (7) В качестве таких символов выступают примеры крупнейших международных проектов Facebook, Youtube и Twitter, запрещенных к официальному функционированию в КНР. Также продолжают аресты как более, так и менее известных активистов (из недавних

примеров назовем арест обладателя Нобелевской премии за мир Лю Сяобо и пользователя Твиттера Чэн Цзяньпин, опубликовавший саркастический комментарий по теме антияпонских националистических демонстраций [13]).

- (8) Каждый из вузов получал около 1,8 миллиарда юаней ежегодно в течение трех лет на цели исследований и разработок [17. С. 161].
- (9) Число студентов постбакалаврского образования росло с 50 753 в 1999 г. до 344 825 в 2009 г. [21].
Количество членов КПК также росло: с 63,221 миллионов в 1999 г. до 77,995 миллионов в 2009 г. (среди них 2,27 миллиона были студентами) [2].
- (10) Для опроса была выбрана группа китайских студентов из 20 человек, наиболее тесно соприкасающаяся с источниками информации, критически оценивающая современный китайский режим. Это люди, окончившие бакалавриат в китайских вузах и обучавшиеся в одном из ведущих университетов развитых стран мира (Сиднейском университете) на магистерских программах гуманитарных специальностей.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Brown K.* How China is Weaker than It Looks // *The Diplomat*. — 12 октября 2010. URL: <http://the-diplomat.com/2010/10/12/china-is-weaker-than-it-looks>
- [2] *China Information: The Communist Party of China* // *China Today*. URL: <http://www.chinatoday.com/org/cpc>
- [3] *Clay Ch.* Little Emperors // *Fortune*. — 4 октября 2004. URL: http://money.cnn.com/magazines/fortune/fortune_archive/2004/10/04/8186784/index.htm
- [4] *Elgan M.* How China's "50-cent Army" could wreck Web 2.0 // *Datamation*. — 9 января 2009. URL: http://itmanagement.earthweb.com/columns/executive_tech/article.php/3795091/How-Chinas-50-Cent-Army-Could-Wreck-Web-20.htm
- [5] *Goldman M.* The Potential for Instability among Alienated Intellectuals and Students in Post-Mao China // *Is China Unstable? Assessing the Factors* (Ed. by David Shambaugh). — N.Y., L., 2000.
- [6] *Gu Jianmin, Li Xueping, Wang Lihua.* Higher Education in China. *Education in China Series*. — Hangzhou, 2009.
- [7] *Hao Zhidong.* Intellectuals at a Crossroads. *The Changing Politics of China's Knowledge Workers*. — Albany, 2003.
- [8] *Li Xiaohong.* The Higher Education Reform and Development Trend in China. URL: www.universitiesaustralia.edu.au/documents/policies_programs/international/collaboration/Prof-Li-Xiaohong.ppt
- [9] *Miao Miao, Ding Yimin.* China Moves to Solve Graduate Unemployment Issue. — 11 января 2009. — Синьхуа, Пекин. URL: <http://english.sina.com/life/2009/0110/210679.html>
- [10] *Mok Ka-ho.* Intellectuals and the State in Post-Mao China. — L., N.Y., 1998.
- [11] *Rai Shirin.* Resistance and Reaction. *University Politics in Post-Mao China*. — N.Y., 1991.
- [12] *Rosen S.* The State of Youth/ Youth and the State in Early 21-st Century China. *The Triumph of the Urban Rich? // State and Society in 21st Century. Crisis, Contention, and Legitimation* (Ed. by Peter Hays Gries, Stanley Rosen). — N.Y., 2007.
- [13] *Woman arrested in China for using Twitter* // *Deccan herald*. — 21 ноября 2010. URL: <http://www.deccanherald.com/content/114643/woman-arrested-china-using-twitter.html>
- [14] *Yang Guobin.* Contention in Cyberspace. *Popular Protest in China* (Ed. by Kevin O'Brien) // *Harvard Contemporary China series*. — 15. — Cambridge, L., 2008.
- [15] *Zheng Yongnian.* Technological Empowerment. *The Internet, State, and Society in China*. — Stanford, 2008.

- [16] WTO юй Чжунго гаодэн цзяоюй фачжань (WTO и развитие китайского высшего образования) / Под ред. У Суна и Чэнь Цзыцзиня. — Пекин, 2002.
- [17] Гайгэ кайфан 30 нянь Чжунго цзяоюй чжунда лиши шицзянь (Основные исторические события китайского высшего образования за тридцатилетний период реформ открытости) / Под ред. Юань Гуйжэня. — Пекин, 2008.
- [18] Статистика Министерства образования 2008 г. URL: <http://www.moe.edu.cn/edoas/website18/13/info1261551755959113.htm>
- [19] Статистика Министерства образования 2008 г. URL: <http://www.moe.edu.cn/edoas/website18/14/info1261551774618114.htm>
- [20] Статистика Министерства образования по выпускникам 2008 г. URL: <http://www.moe.edu.cn/edoas/website18/10/info1261551707943110.htm>
- [21] Вэбсайт Министерства образования. URL: <http://www.moe.edu.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/s4633/201010/109880.html>;
http://www.moe.edu.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_563/200505/7778.html
- [22] «2009 нянь Чжунго дасюэшэн цзюе баогао» даочу — дасюэшэн цзюе чжуанкуан сань да иньцин («Доклад по безработице китайских выпускников на 2009» — три скрытых фактора безработицы выпускников) // Народная сеть. — Пекин. — 22 июня 2009. URL: <http://news.163.com/09/0622/13/5CDSVKSC000120GR.html>

REGIME STABILITY: THE MECHANISMS OF REINFORCEMENT IN THE CURRENT ENVIRONMENT OF CHINESE STUDENTS

A.V. Sidorova

The Department of General History
People's Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

This article analyses the system of higher education in China at the current stage of its reform (1999—2010) to show the capacity of the educational sphere to reinforce the regime stability. The author highlights the forces of deterrence and inclusion in the state's strategy of managing students, and concludes on the balance of these two forces and their influence on the socio-political environment of educated youth.

Key words: China, reform of higher education, students, political stability.